

*АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ТЕОРИИ*

ГОСУДАРСТВО
В ЭКОНОМИКЕ XXI В.:
ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ¹

А.В. Бузгалин

DOI: 10.33293/1609-1442-2019-3(86)-7-18

Автор рассматривает роль государства в современной экономике с точки зрения марксистской методологии, что позволяет яснее представить имеющиеся в науке точки расхождения взглядов на этот предмет, а также опереться на имеющийся в марксизме потенциал исторического предвидения. В статье выдвигается тезис, что современное государство ориентировано на реализацию трех основных типов интересов: государственного аппарата (бюрократии), господствующего класса (капитала) и общества как целого. Исследуются противоречия между этими группами интересов, и рассматриваются уже реализуемые в настоящее время, а также иные возможные варианты компромисса между ними. Анализируются позиции различных школ и течений экономической мысли с точки зрения их ориентации преимущественно на те или иные интересы, защита и воплощение которых входит в функции государства. Обозначаются основные пункты разногласий по этим вопросам. На основе выделения основных интересов, защищаемых государством, формулируется идея о трех ипостасях государства: государство-бюрократ, государство-капитал, государство-общество. Автор трактует развитие экономических функций государства

© Бузгалин А.В., 2019 г.

Бузгалин Александр Владимирович, д.э.н., профессор, директор Центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ, профессор кафедры политической экономии экономического факультета МГУ, визит-профессор Кембриджского и Пекинского университетов, Москва, Россия, buzgalin@mail.ru

¹ Проблемы, поднятые в этой статье, будут рассмотрены также в публикации моего коллеги, профессора А.И. Колганова, которая органически дополняет настоящий текст.

в условиях позднего капитализма как превращение самого государства в разновидность действующего капиталиста. С точки зрения исторического развития функций государства рассматриваются возможные сдвиги в функциях государства в качестве ответа на те вызовы, которые связаны с эволюцией современной экономики. В частности, исследуется использование в экономических функциях государства формирующихся пострыночных (или переходных к пострыночным) отношений. Такие переходные пострыночные отношения расширяют потенциальные возможности осуществления государством своей функции – выразителя общественных интересов. В качестве одного из возможных вариантов эволюции современного государства анализируются причины формирования сдвига в либерально-консервативном направлении, равно как и возможные альтернативы такому сдвигу.

Ключевые слова: государство, интересы, капитал, бюрократия, общество, противоречия, угрозы, реформы.

JEL: B51, D73, H1, P11, P16.

Тема государства в экономике является столь же вечной, сколь и актуальной. И потому ее чрезвычайно разнообразно освещают в экономической теории – с самых разных ракурсов – на протяжении вот уже более 100 лет. Есть, однако, крайне редко затрагиваемый в академических журналах «основного направления» экономической теории аспект этой темы – исследование данного вопроса в *современной марксистской политической экономии* (подчеркнем – *классической политической экономии*, а не *political economics*). И не западной, а российской.

1. МАРКСИСТСКАЯ ТРАКТОВКА ГОСУДАРСТВА – КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ ПРИЧИН И ПРИРОДЫ ГЛУБИННЫХ ОСНОВАНИЙ МНОГОЛЕТНИХ ДИСКУССИЙ

Одним из парадоксов современной экономической теории следует считать тот факт, что дискуссии о государстве в рамках ее «ос-

новного направления» в большинстве случаев посвящены вопросам, которые лишь косвенно связаны с главными проблемами, в наибольшей степени волнующими большинство граждан и вызывающими наиболее мощные общественно-политические конфликты.

Темы, волнующие большинство эконом-теоретиков, в массе случаев касаются вопросов текущей макроэкономической политики и являются продолжением академических дискуссий между различными ветвями господствующего ныне направления, более полувека назад названного *неоклассическим синтезом*. Большая часть этих проблем так или иначе касается экономического роста и связанных с ним вопросов финансов, бюджета, налогов и т.п. И это не случайно: ученые отвечают на вызовы, которые им адресуют господствующие в настоящее время экономические акторы – представители политических и экономических *элит*. На периферии этих дискуссий располагаются все те, кто занимается вопросами труда, экологии, образования, бедности и т.п., т.е. вопросами, в наибольшей степени затрагивающими жизнь и деятельность представителей среднего и низшего классов.

Эта ситуация постоянно воспроизводилась до недавнего времени, поскольку относительно устойчивый рост мировой экономики и отсутствие качественных изменений, характерные для первых двух десятилетий после распада Мировой социалистической системы, долгое время не ставили перед экономистами вопроса о возможности и *необходимости пересмотра не только некоторых следствий из давно доказанных теорем, но и аксиом*.

Первым толчком, указавшим на приближение теоретических землетрясений, стал мировой финансовый и экономический кризис 2008–2009 гг., произошедший вопреки жесткому заявлению мейнстрима о том, что мирового кризиса не может быть.

Этот первый толчок был парирован мощными *регулирующими мерами государства*. Но проблемы не были решены: начались пока по преимуществу геополитические

изменения, которые, однако, активно переходят в политико-экономическую фазу. Как следствие, начала формироваться новая повестка дня в дискуссиях о государстве и его роли в экономике.

Автор берет на себя смелость утверждать следующее: мы стоим на пороге ренессанса дискуссий по *фундаментальным* вопросам природы и функций государства. И ответ на вопрос о причинах и содержании этих дискуссий упирается в вопрос о природе государства – вопрос, который ставят не только хозяйственные, но и геополитэкономические практики (Desai, 2013) и ответ на который наиболее адекватно искать, опираясь на использование методологии и теории современного марксизма.

Эти методология и теория утверждают, что в *экономике капитализма эпохи свободной конкуренции* (в качестве его практического прообраза возьмем, например, Англию XIX в.) государство в соответствии с теорией классического марксизма играет роль преимущественно политического актора, который (1) обеспечивает волевые предпосылки функционирования рынка и капитала (на языке современной экономической теории это надо было бы сформулировать как «установление правил игры») и при этом (2) ориентировано на реализацию трех типов интересов: (2.1) общества, (2.2) государства как системы институтов и государственной бюрократии – как «населяющего» эти институты социального слоя и (2.3) капитала как целого.

Итак, государство прямо и непосредственно выражает интересы господствующего (капиталистического) класса, но это не относится к интересам большинства из других классов и социальных групп (в особенности эксплуатируемых). В капиталистическом обществе государство не выражает интересы подчиненных (эксплуатируемых) классов, или, точнее, выражает их лишь в той мере, в какой они не подрывают интересов господствующего класса, либо в той мере, в какой господствующий класс вынужден рассматривать признание этих интересов как допусти-

мый компромисс. Это собственно и выступает выражением интересов общества в целом наряду с некоторыми интересами, действительно общими для всех социальных слоев внутри государства независимо от существующего между ними антагонизма.

В современной экономике (экономике позднего капитализма – эту категорию мы раскроем в следующем разделе), когда прогресс технологий и производственных отношений приводит к необходимости возникновения значимого общественного сектора, общенационального (а то и международного) регулирования рынка, частичного перераспределения доходов и т.п., *государство становится еще и политической формой экономического актора, который осуществляет широкий круг функций.*

Но об этом позднее. Вернемся к эпохе классического капитализма и природе государства в этой системе. Пункт (1), раскрытый в работах Смита и его последователей, а не только в марксизме, в полной мере восприняла и включила в свой арсенал неоклассика.

Пункт (2.1) она также признает и упоминает, но при этом неоклассика не может сделать прямо вытекающий из наличия этой функции государства вывод: даже в капиталистической экономике *общенародные интересы* присутствуют как *реальный фактор* экономического развития.

Идея общества как экономического актора и государства как политической формы, хотя бы отчасти представляющей и отвечающей общенародным интересам, развивавшаяся учеными периода «реального социализма», после разрушения этой системы не ушла в прошлое, а продолжала жить и развиваться на протяжении всех последующих лет. В настоящее время она в новой форме – форме тезиса о государстве как экономическом акторе, реализующем общественные интересы, – развивается в работах Р.С. Гринберга и А.Я. Рубинштейна (Гринберг, Рубинштейн, 2008, 2013; Рубинштейн, 2007), М.И. Воейкова (Воейков, 2018) и ряда других ученых. Недавно она была положена в основу теоретической

модели государства, представленной коллективом авторов Института экономики РАН (Ананьин, Воейков и др., 2018).

Закончим краткий исторический экскурс и вернемся к вопросу о том, *что представляют собой интересы общества как целого, как они формируются и кто их выражает*. Ответ будет противоречивым.

С одной стороны, это реально практически единые для всех интересы, которые осознает (в большей или меньшей степени) каждый отдельный экономический актор как свой личный интерес в формировании и функционировании таких социально-экономических отношений (и оформляющих их институтов), которые обеспечивают создание и использование в интересах целого общественных благ – в обеспечении безопасности, стабильности и развития общества в целом. Отсюда важный в политико-экономическом отношении вывод: государство (даже в условиях капитализма) в некоторой мере должно действовать и в экономике, ориентируясь не на рыночные и коммерческие интересы, а на интересы общества в целом. Соответственно, *к экономическим функциям государства относится практическая реализация (в некоторой мере) общенародных интересов*.

Эта мера реализации интересов общества определяется балансом сил между господствующим классом и другими классами общества. Понятно, что интересы эксплуатируемого большинства могут проложить себе дорогу в полной мере только при революционной смене господствующего класса, что меняет и природу государства. В рамках же капиталистического государства общенародный интерес реализуется только в пределах узкого компромисса под давлением снизу.

С другой стороны, превращение этого объективно существующего интереса в систему практических экономических действий (создание соответствующих «правил игры», формирование соответствующей социально-экономической стратегии и тактики и т.д.) требует некоторого институционального оформления общества как экономического актора. Таким

оформлением являются *государство и система институтов гражданского общества*.

Этот тезис ставит в повестку дня (и на это указывают практики как советской, так и постсоветской экономики) другой вопрос: в какой мере государство является представителем интересов общества, а в какой – других интересов других акторов. К кругу последних, как мы отметили выше, относятся (пункт 2.2) интересы государства как такового (государственной бюрократии) и (пункт 2.3) капитала как целого.

Суть пункта (2.2) также достаточно хорошо известна, но наиболее полно она развита в работах представителей марксистской теории бюрократии (Бузгалин, Колганов, 1988; Ермоленко, Зыза, Лазовский, 1989) и классического институционализма, давшего устами Веблена чрезвычайно жесткую характеристику «праздному классу», включающему как бюрократию, так и определенную часть бизнеса (Веблен, 1984, с. 349, 216).

Наиболее спорным и одновременно наиболее значимым для понимания природы государства при капитализме, однако, представляется пункт (2.3): *государство как представитель единого социально-экономического и политико-идеологического интереса капитала*. Приведенная выше формула представляет собой чисто марксистский подход – его категорически отвергает неоклассическая экономическая теория. Для того чтобы хотя бы кратко аргументировать правомерность его выделения, обратимся к практикам.

Первым примером таких глубоких изменений могут служить реформы Рузвельта, или социал-демократический поворот середины XX в., когда капитал и бюрократия были вынуждены пойти навстречу общественным интересам и государство поддержало формирование сильных профсоюзов, рост общедоступности многих благ, перераспределение части прибыли в пользу общественного развития и другие шаги, адекватные императивам «государства-общества».

Приведем совершенно иной – *второй* в нашем перечислении – пример: решение российских властей в период кризиса 2008–

2009 г. о беспрецедентном по масштабам выделении бюджетных средств (причем на предельно льготных условиях) частным финансовым институтам. В частности, на рефинансирование банковской системы было направлено 2 трлн р. в 2008 г. и еще 555 млрд р. – в 2009 г. (Программа антикризисных мер, 2009). По оценкам экспертов, суммарно на поддержку банковской ликвидности и докапитализацию банковских активов было потрачено свыше 6,8 трлн р., большая часть из которых была использована российскими банками для операций на валютном рынке против курса рубля (Алексашенко, Миронов, Мирошниченко, 2011, с. 33–34, 38) параллельно с оттоком капитала за рубеж. Здесь очевидно сработал приоритет «государства-капитала».

Третий пример, снова российский, – активное формирование на протяжении последнего периода модели государственно-олигархического капитализма (Бузгалин, Колганов, 2017; Дзарасов, 2010; Меньшиков, 2008), в котором реализуются преимущественно интересы «государства-бюрократа», сращенного с крупным капиталом.

Даже эти три примера показывают, что по поставленному нами вопросу неизбежно возникает дискуссия, причем дискуссия, затрагивающая глубинные экономико-политические проблемы – распределения дохода, богатства, власти. Иными словами, *марксистское видение природы государства позволяет четко обозначать ключевые пункты водоразделов в дискуссиях о природе государства.*

Выше мы сделали первый шаг на этом пути: главным во всех этих дискуссиях будет вопрос о природе государства и, в частности, вопрос о том, можно и нужно ли выделять три его ипостаси – государство, представляющее, реализующее и защищающее интересы:

- общества («государство-общество»);
- интересы самого как не только особого института, но и особого социального слоя – государственной бюрократии («государство-бюрократ»);
- единые интересы капитала как целого («государство-капитал»).

Как мы отметили ранее, это деление не лежит в центре внимания дискуссий экономистов-профессионалов, но именно оно находится в основании принятия решений в условиях проведения масштабных, глубоких реформирующих воздействий на экономику.

Подытожим наши размышления в этом подразделе: *выделение трех основных ипостасей государства позволяет объяснить причины, по которым так существенно на протяжении более 100 лет расходятся политико-экономические установки левых и правых экономико-политических сил.*

Как мы заметили несколько выше, для ответа на вопросы о природе государства и его экономических функциях важно понять, о какой именно экономике идет речь. Помните: социальное время (история) и социальное пространство имеют значение!

2. ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ И РОЛИ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ПОЗДНЕГО КАПИТАЛИЗМА: ПОСТРЫНОЧНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Если мы переходим к реалиям последних десятилетий, то наш ответ на поставленный выше вопрос мы уже дали в своих работах – речь будет идти не об абстрактной рыночной экономике, а об экономике капиталистического способа производства на определенном этапе его развития – *экономике позднего капитализма.* Эта категория уже давно используется в мировой литературе (Mandel, 1987; Jameson, 1991; Habermas, 1973; Хабермас, 2010), но мы ей придаем несколько иное содержание. Поздний капитализм мы определяем как такой этап развития капитализма, на котором рынок и капитал не могут функционировать и развиваться, не *используя* ростков пострыночных отношений, т.е. отношений, в которых *не* рынок и *не* капитал определяют

основные параметры экономических процессов и принятие решений экономических акторов². В этих условиях – *в условиях позднего капитализма – государство само становится капиталистом*. «Государство-капитал» срачивается с «государством-бюрократом» и формируется государство как капитал особого рода. В этом своем качестве государство выступает уже не просто как представитель интересов капитала как целого и себя самого как бюрократического аппарата управления, а одновременно еще и как особый капиталист – собственник и предприниматель.

Прежде чем продолжить, зафиксируем: с одной стороны, практики доказывают, что государство как особый капитал – реальность, с другой – большинство представителей мейнстрима не согласится с тем, что современное государство – особый экономический актор.

Продолжим. У этого «государства-капиталиста» есть, однако, большие отличия от частных корпоративных капиталов. Кроме своего интереса мегакорпорации, максимизирующего свою прибыль и рыночную власть, оно реализует и иные интересы – те, о которых мы упомянули выше. Это интересы, с одной стороны, всего капитала страны, с другой – государственной бюрократии в целом, с третьей – общества в целом.

² Мы ведем здесь речь именно о пострыночных, а не о посткапиталистических отношениях. Последние (т.е. отношения, где устранена эксплуатация наемного труда капиталом и капитал вообще не является стороной отношений) также возникают в условиях позднего капитализма. Однако при господстве капиталистических производственных отношений они могут занимать лишь узкие ниши. Пострыночные же отношения уже глубоко пронизывают систему позднего капитализма. Разумеется, пострыночные отношения существуют в основном не в чистом виде, а как *переходные*, соединенные с рыночно-капиталистическими, так как нерыночный капитализм – это нонсенс. Данное обстоятельство позволяет рассматривать пострыночные отношения в этом смысле также и как посткапиталистические.

Последнее особенно важно, поскольку здесь мы имеем дело уже не с государством-капиталистом, о котором мы вели речь выше, а с *государством-обществом – экономическим актором, выражающим интересы не капитала, а большинства граждан*. В условиях классического капитализма эта ипостась государства была сугубой абстракцией и на практике реализовывалась минимально.

Это новое качество государства – государства, действующего как актор не только рыночно-капиталистических (коммерческих), но и зарождающихся в недрах современной экономики *пострыночных отношений*. Эти отношения, подчеркнем еще раз, только зарождаются и присутствуют не в рафинированно чистом виде, а как социальные, некоммерческие начала переходных (к посткапитализму) отношений.

К числу таких *переходных отношений, сочетающих рынок и капитализм, с одной стороны, и пострыночные отношения, с другой*, относятся многие хорошо известные всем практики. Подчеркнем – *практики*, а не теоретические модели.

Выделим важнейшие из таких практик.

1. Общественное регулирование рыночных параметров, включая не только спецификацию и защиту прав собственности, контрактов и т.п. вкуче с регулированием финансовой сферы, но и такие, как регулирование качества товаров и ряда цен.

2. Общественное регулирование отраслевых и региональных пропорций при помощи мер селективного государственного воздействия (активной промышленной политики) в рамках стратегического планирования и программирования.

3. Общественное установление экологических, социальных, гуманитарных и других нормативов (предельные нормы загрязнения среды, условия труда и продолжительность рабочего времени, пенсионные нормативы, прожиточный минимум, минимальная заработная плата и многое другое), ограничивающих действие рыночных регуляторов определенными «коридорами».

4. Значимый (его масштабы – предмет дискуссий) общественный сектор, ориентированный на реализацию общественных интересов, а не коммерческий эффект (прежде всего в таких сферах, как инфраструктура и энергетика, природопользование, образование, медицина, наука, культура и др.).

5. Сфера отношений собственности каждого на все (режимы открытых источников, копилефт, который в отличие от копирайта подразумевает свободу использования исходного произведения для создания новых, производных от него, без необходимости получать на это разрешение владельца авторского права, общедоступные заповедники, парки, библиотеки и многое другое).

6. Частичное перераспределение прибыли капитала и ее производных в пользу общества (прогрессивная шкала подоходного налога и налога на наследство, налог на роскошь, социальные трансферты).

Перечень можно продолжить, но наша цель в данном случае состоит в том, чтобы зафиксировать два важных вывода.

Первый: эти практики предполагают наличие активной экономической, но преимущественно некоммерческой деятельности государства как актора, действующего в сфере не только рыночных, но и пострыночных отношений.

Второй: все эти практики в той или иной мере (и здесь – поле жестких дебатов) вот уже не первое десятилетие существуют во всех странах ядра и большинстве стран периферии, а отчасти и периферии.

Существенно, что, несмотря на наличие и устойчивое воспроизводство этих практик, в адрес идей, которые обосновывают необходимость и прогрессивность названных выше пострыночных по своей природе отношений, многие десятилетия идет активная критика со стороны экономистов, чьи позиции близки идеям австрийской школы.

Данный методолого-теоретический курс останется эмпирически недоказуемым до тех пор, пока не изменятся общественные практики, пока, как минимум, равными по

значению бизнесу акторами экономико-политического процесса, определяющими направления деятельности и функции государства, не станут институты гражданского общества. Только в той мере, в какой для экономистов – и теоретиков, и практиков – объективно изменится поле исследований и практики решения проблем неравенства, бедности, солидарности, гуманизации и экологизации экономики, обеспечения безопасности и т.п. станут объективно не менее значимы и востребованы основными акторами экономической жизни, чем практики бизнеса, – только в этой мере и будут происходить изменения в парадигмах экономической теории. Названные выше практики большинству экономистов-теоретиков сегодня кажутся чем-то маргинальным. Во всяком случае – в России.

На Западе постепенно происходит поворот *теоретиков основного течения* именно к этим проблемам. И это не случайно: мир вползает в эпоху глубоких трансформаций. И исследование *практик таких трансформаций* скоро станет основным предметом исследования, подобно тому, как это происходило в США начала 1930-х гг., во Франции второй половины 1930-х и конца 1960-х гг., как это происходит постоянно во многих странах Латинской Америки и Азии. Мы предсказываем, что эти практики перестанут быть маргинальными в ближайшее десятилетие: история имеет значение.

3. ВОЗМОЖНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА (К ВОПРОСУ О ПРОГНОСТИЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ КРИТИЧЕСКОГО МАРКСИЗМА)

Проведенное нашими коллегами и нами (Бузгалин, Колганов, 2009, 2018; Бузгалин, 2018; Meszaros, 1986) исследование противоречий и трендов социально-экономического

развития последних десятилетий достаточно недвусмысленно указывает на формирование в мире в целом (а в России в особенно отчетливом виде) *объективного и субъективного запроса на консервативный, реакционный курс реформирования позднего капитализма* (мы бы сформулировали – как курс *контр-реформ*). Причины достаточно хорошо известны, и каждая из них в отдельности уже в большей или меньшей степени проанализирована. Но важна системная картина. А для того чтобы развернуть ее, хотя бы вкратце, мы должны будем опять использовать диалектический, акцентирующий противоречие и развитие исторический подход.

Итак, в сфере, которую марксисты называют производительными силами, в конце концов с задержкой на полвека вызревают предпосылки для того, чтобы человек наконец из придатка машины превратился в ее «контролера и регулировщика» (Маркс, 1960, с. 343): развитие компьютерных систем и Интернет постепенно создают предпосылки для высвобождения человека от рутинных функций и реализации сделанного 150 лет назад прогноза Маркса о движении Человечества к миру, в котором сокращение рабочего времени создаст основы для того, чтобы человек мог посвятить себя собственно творческой деятельности.

В результате создаются материальные условия для формирования *новых производственных* (а шире – общественных) *отношений*. Человечество вплотную подходит к возможности совершения скачка к экономике, где сбудется прогноз не только Маркса и Ленина, но и Кейнса (Keynes, 1931; Маркс, 1961, с. 289): лишь 20–30% нынешнего совокупного фонда рабочего времени общества будет тратиться на создание материальных благ, объем которых тем не менее будет достаточным для того, чтобы остальные 70–80% этого фонда стали свободным временем. А свободное время – категория, обозначающая не время досуга, а *время свободного гармоничного развития человека*, в том числе в процессе общедоступной творческой деятельности. Послед-

няя и есть та самая деятельность учителей, ученых, садовников, врачей и тренеров, о которой мы писали выше. В этой сфере смогут в полной мере реализоваться те функции государства как актора пострыночных отношений, о которых мы писали выше, – *функции модератора* (Игонина, 2011, с. 198) и материального гаранта деятельности, направленной на создание бесплатных, общедоступных, общественных благ.

Но этот скачок не отвечает интересам ни капитала, ни сформированного им государства, ибо предполагает качественное изменение всей системы общественных отношений и уход капитала с исторической арены. Продвижение в этом направлении, о котором мы писали как об альтернативе и либеральному, и государственно-консервативному курсам, ставшее сегодня объективно возможным, будет во все большей мере ограничивать пространство жизнедеятельности и капитала, и государства. Поэтому и капитал (в первую очередь финансовый, в наибольшей степени мешающий прогрессу пострыночных отношений), и государство в его ипостасях «государства-капитала» и «государства-бюрократа» будут объективно нацелены на консервативно-либеральный курс, который станет едва ли не единственным путем сохранения и приумножения их политико-экономической власти.

Отличим либерально-консервативно-го курса от пока еще во многом сохраняющегося неолиберального станут (1) еще более активная линия на десоциализацию и (2) некоторое смещение центров экономико-политической власти от финансового капитала к капиталу военно-промышленного комплекса и других сфер, наиболее тесно связанных с «государством-бюрократом». Задавленные своего прихода новые производительные силы и, в частности, необходимость качественного обновления материально-технической базы материального производства – это та самая реиндустриализация (см. (Бодрунов, 2016)), которая была отложена на десятилетия вследствие доминирования в неолиберальную эпоху финансового капитала, заставит «государство-

капитал» несколько притормозить процесс финансиализации и поддержать капитал реального сектора. Однако сделает оно это не за счет финансового капитала, а за счет граждан, для чего надо будет еще больше ограничить функции «государства-общества» и интенсифицировать процесс десоциализации. В России этот процесс уже активно разворачивается с той только разницей, что место финансового капитала как такового в РФ занимает интегрированная система сырьевых корпораций, банков и государственного аппарата.

Результатом этих трендов становится *формирование относительно нового – либерально-консервативного – облика позднего капитализма*. Его основные черты вызревают достаточно закономерно, хотя и в жесткой борьбе, особенно явно проявляющей себя сегодня в России.

Это, во-первых, усиление интеграции государственной бюрократии и крупного капитала преимущественно реального сектора, в первую очередь в сфере ВПК. Этот капитал получает от «государства-бюрократа» немалые преференции (от снижения налогов до инвестиций и льготных кредитов), которые формируются главным образом за счет сокращения социальных расходов и десоциализации в целом, а также за счет некоторого ограничения финансового капитала и его трансграничного движения.

Во-вторых, следствием этого становятся ограничение и постепенное сокращение функций «государства-общества» в социальной и гуманитарной сферах.

В-третьих, для политико-идеологического обеспечения консервативно-либерального альянса капитала и государства (в первую очередь развития национального военно-производственного потенциала и десоциализации) окажутся востребованными авторитарная форма политической власти и государственническая (возможны вариации – имперская, державная, националистическая) идеология.

Результатом всего этого станет растущая угроза милитаризации всей экономико-

политической жизни как внутри каждой страны, реализующей этот тренд, так и в мире в целом.

Нетрудно предположить, что эти тренды легко могут стать основой для реинкарнации фашизма и формирования его новой разновидности, адекватной вызовам XXI в. Главными особенностями последнего могут стать: (1) иная материально-техническая база, в частности качественно новые технологии насилия и манипулирования; (2) соединение с квазилиберальной экономической системой и (3) отказ от использования даже суррогатных форм коллективной организации и их социальной защиты; (4) отсутствие в качестве альтернативы реального социализма и (5) присутствие в качестве соперника восставшей периферии. Перечень можно продолжить, но это уже не наша тема.

А теперь несколько слов о возможных альтернативах. Мы будем кратки, ибо главное было сказано: альтернативы консервативно-либеральному реваншу есть. И они связаны не со сворачиванием, а с развитием деятельности «государства-общества» и прогрессом ростков пострыночных отношений. О социальных силах и программе такой альтернативы мы уже многократно писали в других – частью упомянутых выше – текстах. Существенно, что союзниками ориентированных на такое будущее сил могут быть и социал-либеральные, и социал-демократические силы, и даже левые государственники. Собственно такого рода альянс и складывается в настоящее время в среде теоретиков в России.

Список литературы

- Алексащенко С., Миронов В., Мирошниченко Д. Российский кризис и антикризисный пакет: цели, масштабы, эффективность // Вопросы экономики. 2011. № 2. С. 33–34, 38 (табл. 2).
- Ананьин О.И., Воейков М.И., Гловели Г.Д., Городецкий А.Е., Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я.

- На пути к новой экономической теории государства / под ред. А.Я. Рубинштейна. М.: ИЭ РАН, 2018.
- Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2016.
- Бузгалин А.В. Поздний капитализм и его пределы: диалектика производительных сил и производственных отношений (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы политической экономии. 2018. № 2. С. 10–38.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Анатомия бюрократизма. М.: Знание, 1988.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Пределы капитала: методология и онтология. М.: Культурная революция, 2009.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Социальные, материальные и финансовые ресурсы опережающего развития России // Проблемы теории и практики управления. 2017. № 9.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал: в 2 т. 5-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2019.
- Воейков М.И. Государство как предмет политэкономического изучения // Вопросы политической экономии. 2018. № 1. С. 35–54.
- Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Основания смешанной экономики. Экономическая социодинамика. М.: ИЭ РАН, 2008.
- Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Индивидуум & государство: экономическая дилемма. М.: Весь мир, 2013.
- Дзарасов Р.С. Российский капитализм: анатомия эксплуатации // Альтернативы. 2010. № 4.
- Ермоленко А.А., Зыза В.П., Лазовский В.Ф. Бюрократизм в коллективном производстве. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1989.
- Игонина Л.Л. Финансовые аспекты модернизации российской экономики: оценка значимых детерминант // Стратегия опережающего развития—III. Том I. Российская модернизация: диагнозы и прогнозы / под общ. ред. А.В. Бузгалина, Р. Крумма. М.: ЛЕНАНД, 2011.
- Маркс К. Капитал (Т. I). // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1960.
- Маркс К. Капитал (Т. III. Ч. I). // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 25. М.: Госполитиздат, 1961.
- Меньшиков С.М. Анатомия российского капитализма. 2-е изд. М.: Международные отношения, 2008.
- Программа антикризисных мер Правительства Российской Федерации на 2009 год // Российская газета – Федеральный выпуск. 2009. № 4872. 20 марта.
- Рубинштейн А.Я. Общественные интересы и теория публичных благ // Вопросы экономики. 2007. № 10. С. 90–113.
- Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма / пер. с нем. Л.В. Воропай. М.: Практика, 2010.
- Desai R. Geopolitical economy: After US hegemony, globalization and empire. L.: Pluto Press, 2013.
- Habermas J. Legitimationsprobleme im Spätkapitalismus. Frankfurt-am-Main: Suhrkamp Verlag, 1973.
- Jameson F. Postmodernism, or the cultural logic of late capitalism. Durham: Duke University Press, 1991.
- Keynes J.M. Possibilities for our grandchildren // Essays in Persuasion. Macmillan and Co. Limited, 1931.
- Mandel E. Late capitalism. L., N.Y.: Verso, 1987.
- Meszaros I. Philosophy, ideology & social science. Brighton: Wheatsheaf, 1986.

Рукопись поступила в редакцию 24.03.2019 г.

STATE IN THE ECONOMY OF THE XXI CENTURY: POLITICAL ECONOMY INTERPRETATION

A. V. Buzgalin

DOI: 10.33293/1609-1442-2019-3(86)-7-18

Alexandr V. Buzgalin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, Cambridge University, Cambridge, UK, and Peking University, Beijing, P.R. China, buzgalin@mail.ru

Author is considering the role of state in the contemporary economy from the point of view of Marxist methodology that clarifies presentation of the points of disagreements which take place among scholars, and, also uses the potential of foreseeing in Marxism. In the paper the thesis is stated that contemporary state is focused on the realization of three main types of interests: the state apparatus (bureaucracy), the ruling class (capital) and society as a whole. The contradictions between these groups of interests are investigated and the different already realized variants of compromise between them are considered, as well as other possible variants of such a compromise. The positions of different schools and currents of economic thought are analyzed from the point of their orientation predominantly to this or that interests, protection and realization of which are included in the functions of the state. The main points of disputes on these questions are marked. On the basis of the highlighting the main interests being defended by state the idea of three forms of state is formulated: state-bureaucrat, state-capital and state-society. Author treats the development of economic functions of a state in the conditions of late capitalism as transformation of state itself into the functioning capitalist. From the point of view of historical development of the state functions, the probable shifts in these functions are treated as response to the challenges connected with the evolution of modern economy. For instance, the usage of newly formed post-market (or transitory to post-market) relations in the economic functions of state is investigated. These transitory post-market relations are increasing the potential possibilities to implement the state function of social interests' representative. As one of the probable variants of possible evolution of contemporary state and the reasons for the shift into the liberal-conservative direction are analyzed, as well as the workable alternative for this shift.

Keywords: state, interests, capital, bureaucracy, society, contradictions, threats, reforms.

JEL: B51, D73, H1, P11, P16.

References

- Aleksashenko S., Mironov V., Miroshnichenko D. (2011). Russian crisis anti-crisis package: Purposes, scales, efficiency. *Voprosy Ekonomiki [Economic Issues]*, no. 2, pp. 33–34, 38 (in Russian).
- Anan'in O.I., Voeykov M.I., Gloveli G.D., Gorodetskiy A.E., Grinberg R.S., Rubinshtein A.Ya. (2018). On the road to the New Economic Theory of State. Ed. by A.Ya. Rubinshteyn. Moscow, Institute of Economy, Russian Academy of Science (in Russian).
- Bodrunov S.D. (2016). The future. New industrial society: Reloaded. 2nd ed., rev. and add. Saint-Petersburg, INIR named after S.Yu. Witte (in Russian).
- Buzgalin A.V. (2018). Late capitalism and its limits: Dialectic of productive forces and production relations (to 200 year from the birthday of Karl Marx). *Voprosy Politicheskoy Ekonomii [Issues of Political Economy]*, no. 2, pp. 10–38 (in Russian).
- Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (1988). The anatomy of bureaucracy. Moscow, Znanie (in Russian).
- Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (2009). The limits of capital: Methodology and ontology. Moscow, Kul'turnaya Revolyutsiya (in Russian).
- Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (2017). Social, material and financial resources of epy leading development of Russia. *Problemy Teorii i Praktiki Upravleniya [Problems of Theory and Practice of Management]*, no. 9 (in Russian).
- Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (2019). Global capital. In 2 vol. 5th ed. Moscow, LENAND (in Russian).
- Dzarasov R.S. (2010). Russian capitalism: An anatomy of exploitation. *Al'ternativy [Alternatives]*, no. 4 (in Russian).
- Ermolenko A.A., Zyza V.P., Lazovskiy V.F. (1989). Bureaucratism in the collective production. Voronezh, Voronezh State University Publisher (in Russian).
- Grinberg R.S., Rubinshteyn A.Ya. (2008). The foundations of a mixed economy. Economic sociodynamic. Moscow, Institute of Economy, Russian Academy of Science (in Russian).
- Grinberg R.S., Rubinshteyn A.Ya. (2013). Individual & state: An economic dilemm. Moscow, Ves' mir (in Russian).
- Habermas J. (2010). The problem of legitimation of late capitalism. Translation from German by L.V. Voropay. Moscow, Praxis (in Russian).
- Igonina L.L. (2011). Financial Aspects of the modernization of the Russian economy: Assessment of significant determinants. Advance Development Strategy–III. Vol. I. Russian modernization: Diagnoses and projections. Ed. by A.V. Buzgalin and R. Krumm. Moscow, LENAND (in Russian).

-
- Marx K. (1960). Capital, vol. I. Marx K. and Engels F. The Collected Works. 2nd ed. Vol. 23. Moscow, Gospolitizdat (in Russian).
- Marx K. (1961). Capital, vol. III. Marx K. and Engels F. The Collected Works. 2nd ed., vol. 25, part I. Moscow, Gospolitizdat (in Russian).
- Men'shikov S.M. (2008). The anatomy of Russian capitalism. 2nd ed. Moscow, Mezhdunarodnye Otnosheniya (in Russian).
- The Program of anti-crisis measures of the government of Russian Federation for year 2009 (2009). *Rossiyskaya gazeta – Federal'nyy vypusk [Russian Newspaper – Federal Issue]*, no. 4872, 20 March (in Russian).
- Rubinshteyn A.Ya. (2007). Public interests and the Theory of Public Goods. *Voprosy Ekonomiki [Economic Issues]*, no. 10, pp. 90–113 (in Russian).
- Veblen T. (1984). The Theory of the Leisure Class. Moscow, Progress (in Russian).
- Voeykov M.I. (2018). The state as an object of political economy study. *Voprosy Politicheskoy Ekonomii [Issues of Political Economy]*, no. 1, pp. 35–54 (in Russian).
- Desai R. (2013). Geopolitical economy: After US hegemony, globalization and empire. London, Pluto Press.
- Habermas J. (1973). Legitimations probleme im Spätkapitalismus. Frankfurt-am-Main: Suhrkamp Verlag.
- Jameson F. (1991). Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism. Durham: Duke University Press.
- Keynes J.M. (1931). Possibilities for our Grandchildren. Essays in Persuasion. Macmillan and Co. Limited.
- Mandel E. (1987). Late Capitalism. London – New York, Verso.
- Meszaros I. (1986). Philosophy, Ideology & Social Science. Brighton, Wheatsheaf.

Manuscript received 24.03.2019

БУДУЩЕЕ ГОСУДАРСТВА В ЭКОНОМИКЕ: РОССИЙСКИЕ ДИСКУССИИ И ИХ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНТЕКСТ

А.И. Колганов

DOI: 10.33293/1609-1442-2019-3(86)-18-29

В статье рассматриваются различные позиции относительно экономической роли государства. Выделяются три основные группы взглядов, которых придерживаются в дискуссии по этой теме в России: либералы, государственники и левые. Это различие проводится на основе выделения Александром Бугалиным основных экономических интересов, которые отражают в деятельности государства, что позволяет выделить три его основных ипостаси, которые условно названы «государством-обществом», «государством-бюрократом» и «государством-капиталом». Демонстрируется противоречивый характер сочетания этих ипостасей государства. Хотя стороны дискуссий обычно не идентифицируют себя только с какой-то одной из этих ипостасей, защита преимущественно тех или других выступает главным водоразделом между позициями сторон. В зависимости от этого дается и ответ на центральный вопрос – что есть государство в экономической сфере? Формулируются ключевые разногласия между участниками дискуссий об экономических функциях государства по основным вопросам экономического развития, экономических отношений и институтов, связанных с деятельностью государства. В заключение представлен взгляд на перспективу эволюции функций государства в связи с формированием переходных пострыночных отношений и на взаимодействие между государством и обществом в этом

© Колганов А.И., 2019 г.

Колганов Андрей Иванович, д.э.н., профессор, заведующий Лабораторией сравнительного анализа экономических систем экономического факультета МГУ, главный научный сотрудник Института экономики РАН, Москва, Россия, onaglo@mail.ru